

УДК 13

DOI: 10.34670/AR.2020.58.20.016

Концепция человека в национальном эпосе «Урал-батыр»**Рахматуллина Зиля Нурмухаметовна**Кандидат философских наук,
докторант,Башкирский государственный университет,
450076, Российская Федерация, Уфа, ул. Заки Валиди, 32;
e-mail: zilrah@yandex.ru**Аннотация**

В статье раскрывается понимание предназначения и смысла человека и его бытия через философское осмысление героического эпоса «Урал-батыр». Становление национальной философии, духа народа, его этническая идентичность, мифологизация родовой территории непосредственно связаны с этим кубаиром. Концептуальный тезис эпоса «Урал-батыр» заключается в идее человека, способного изменять себя и мир. Именно активная жизненная позиция выступает онтологической установкой, фундаментальным принципом башкирской идеи, которому остался предан народ, вследствие чего сумел сохранить себя, свою веру и самобытную культуру. Пафос активного утверждения добра и высокой нравственности, доминирующий в эпосе, рассмотрен в тесной связи с его пониманием человека. Идеиную и нравственную патетику национального эпоса можно определить как активно-гуманистическую, а отношение Урал-батыра к себе и другим – как требовательное и самое деятельное. Подобное обращение основано на вере в нравственные и этические возможности человека. Указанная тенденция своими корнями уходит в гуманистические традиции сэсэнов.

Для цитирования в научных исследованиях

Рахматуллина З.Н. Концепция человека в национальном эпосе «Урал-батыр» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 3А. С. 141-147. DOI: 10.34670/AR.2020.58.20.016

Ключевые слова

Антропоцентризм, гуманизм, национальная идея, онтологическая установка, активная жизненная позиция.

Введение

В этнической картине мира башкир в качестве сакральной модели пространства выступает Южный Урал с прилегающими территориями. Из всех автохтонных народов данного региона название «Урал» издревле существует только у башкир и на уровне мифоэпического наследия, и в языке как имя собственное. Другие коренные этносы имеют иные традиционные наименования Уральских гор: у ханты – Кев, коми – Из, манси – Нер, ненцев – Нгарка Пэ. Мифологизация данных объектов предполагает существование в обществе инициатических практик трансляции сакрального знания.

В начале XX в. знаменитые сэсэнны Габит Аргынбаев и Хамит Альмухаметов передали Мухаметше Бурангулову эпос «Урал-батыр», который, по мнению некоторых исследователей, является одним из древнейших космогонических мифов на евразийском континенте. Его уникальность состоит в имени эпического героя – демиурга и в том, что пространство, в котором он совершает подвиги, совпадает с реальной территорией Южного Урала с названиями рек, гор, пещеры (Агидель, Яик, Сакмар и Нугуш, Иремель и Ямантау, Шульген-таш). Помимо проблем мироустройства, в эпосе на первый план выдвигаются вечные темы жизни и смерти, смысла человеческого существования и бессмертия, добра и зла. Фактически здесь ставятся философские по своей фундаментальности и значимости задачи, поднимающиеся до уровня общечеловеческих. Д.Ж. Валеев справедливо полагает, что «эпос “Урал батыр” выступает как основной источник изучения мировоззрения башкир, определяющий основные идеи нравственной культуры народа и особенности его гуманизма» [Валеев, 1997, 189].

Основная часть

Космогоническая часть сказания тесно связана с отголосками легенд о Всемирном потопе и возрождении жизни после него на конкретном пространстве – некоей суше, окруженной со всех четырех сторон водой, где живут первые люди – Янбирды (в переводе с башкирского Йэнбирзе – букв. «дающий душу») и Янбика (переводится примерно как «госпожа, дочь жизни»), у которых родились сыновья по имени Шульген и Урал. Семейная пара не помнит уже, откуда они пришли, не знают огня, лука и стрел. Для верховой езды они используют льва, для охоты – сокола, для рыбной ловли – щуку, при помощи пиявки готовят ритуальное питье из крови животного. Не прошедшие инициацию несовершеннолетние не имеют права принимать в пищу голову самца и сердце самки и употреблять данный напиток. Родительский запрет нарушает двенадцатилетний Шульген, хотя младший брат старается отговорить его от такого проступка. Именно с этого события начинаются их противостояние, моральное разложение личности Шульгена, который делает свой выбор в пользу зла. По К. Юнгу он является архетипом Тени, а Урал есть Эго, так как бессознательное всегда старше сознания. Хотя братья и существуют по отдельности, они неразрывно связаны друг с другом. Шульген представляет собой темную сторону героя. Юнг определяет Тень так: «Это как раз то, чем человек не хотел бы быть» [Назарова, 2001, 82].

Первичными регуляторами поведения и отношений между людьми в архаичном обществе становились именно табу, феномен морали зарождается там, где существует ситуация запрета.

Урал не приемлет насилия в любом виде. Впервые с убийством живого, несовершенством этого мира он сталкивается на охоте, узнав, что в роли Смерти чаще всего выступает его семья:

«Всех слабыми считаем,
Забавляемся, на них охотясь.
Мы худшие из худших
Обычай ввели этот –
Смерть на земле посеяли» [Урал-батыр, 2005, 114].

Урал призывает к более высокому уровню нравственности и ставит перед собой уникальную задачу – отвергнуть обычай «чтобы сильный слабого пожирал». Урал-батыр – носитель совершенно нового этоса. Он закладывает новую модель взаимоотношений, основанную на гуманизме, задает изменения в существующей «войне всех против всех». С данного момента его деятельность принимает ценностно-ориентирующий характер. Урал-батыр создает новую нравственную реальность и намечает будущие горизонты общечеловеческого развития, осознанно воплощая в реальность моральные ценности, утверждая идеи добра.

Урал с согласия отца собирает совет птиц и зверей, желая узнать о формах существования смерти и совместного ее преодоления. Янбирды – убежденный сторонник эскапизма. Он считает, что причиной смерти для всего живого являются в данном жизненном пространстве только они. Ворон выступает в эпосе апологетом смерти, считая, что все являются средством для выживания сильнейшего. Если этого не будет, земля будет перенаселена, будут исчерпаны ее ресурсы, нарушены фундаментальные законы самоорганизации, принципы отбора и селективная ценность, что может привести к онтологическому кризису – экологическому коллапсу.

Урал-батыр как существо с истинно планетарно-вселенским сознанием желает, чтобы все объединились, не уничтожая друг друга. Он пытается построить свой мир, в котором добро и зло выглядят как зримые реальные силы, в трагическом столкновении решающие его собственную судьбу и участь всего живого. Урал-батыру недостаточно познания законов мироздания, он ставит макрозадачу их преодоления.

Сыновья по указанию отца уходят на поиски Смерти и Родника Бессмертия. На развилке дорог по жребию Уралу полагается идти налево – в страну счастья и благополучия, а Шульгену направо – в царство зла, но он выбирает то, что выпало на долю младшего брата. Перед ним раскрывается идеальная страна Самрау – общество наиболее правильного миропорядка:

«Все словно родные [здесь],
Будто одной матерью рождены.
Не грабить народ, на родине кровь не проливать,
Не иметь лишнего кошелька,
Не утаивать то, что людям принадлежит,
Землю не зарывать,
Все что добыто [людьми],
Порознь не делить.
Не считать, что сильному дозволено все,
Сирот не обижать
Мать, родившую дочь,
Не позорить, не унижать,
Детей ее в воду не бросать –
Таких обычаев не нарушать –
[Так] в этой стране поклялись» [Там же, 143].

Еще не существует концепций ада и рая, однако в представлении о них выразилась несокрушимая национальная мечта древних башкир об идеальном обществе.

Урал-батыр, совершая подвиги, освобождает юных пленниц и пленников, которых должны были привести в жертву в честь царя Катила (девушек должны были утопить в воде, а юношей сжечь в огне), и навсегда устраняет варварские обычаи в обществе. Победив в поединке быка, он провозглашает:

«Что сильней человека нет на свете никого,
Придется тебе признать.
Не только ты сам, но и племя твое
Станет человеку рабом!» [Там же, 130].

В отличие от других героев эпосов о Гильгамеше, Донне Куальнгене, Манасе и т. д., Урал-батыр не убивает его, а делает покорным слугой человека. В данном поступке отразился не только антропоцентризм, но и гуманизм мировоззрения древних башкир [Там же, 108].

Люди не знают, как преодолеть собственную биологическую смерть, не то что далеких предков. Урал-батыр мыслит глобально: он принял решение не только за себя, но за всех живущих, умерших и еще не родившихся. Однако все кардинально меняется после его встречи со стариком, испившим воду из Родника Духа и осознавшим апостериори всю абсурдность своего существования. Старик – лишь фрагмент потерявшего смысл бытия, он обречен на этическое раздвоение. Старец пережил уже несколько поколений людей, является свидетелем времени, когда еще не существовало даже семейно-брачных отношений, он уже не испытывает никакого трепета перед жизнью и страха перед ликом смерти. Старик, сейчас больше понимая о природе добра и зла, пытается предотвратить человечество от неподлинного существования и дает свою интерпретацию Смерти:

«То, что Смертию мы зовем,
Прозвища злые кому даем, –
Вечности нетленный закон,
Мир от гнилья очищает он,
От больных и увядших трав
Навсегда очищает он.
Освежит он жизни сад.
Не желайте же вечным быть,
Из Родника живого испить!» [Башкирское народное творчество, 1987, т. 1, 124].

Исходя из своего экзистенциального опыта и собственной философии существования, он предупреждает, что абсолютное бессмертие приведет к необратимым онтологическим проблемам. Старик, рисуя мрачные перспективы экологической эсхатологии, помогает герою переосмыслить категории «жизни» и «смерти»:

«На свете остается лишь то,
Что составляет мира красоту,
Что украшает наш сад, –
Имя ему добро.

В небо воспарит добро,
В воде не утонет добро,
В огне не сторит добро.
Неустанно говорят о добре.
Оно превыше всех дел
И людям и тебе самому...
Станет источником вечного бытия» [Урал-батыр, 2005, 190].

Этические принципы в национальном эпосе выходят на иной масштаб. Проблемы человеческого бытия рассматриваются в контексте вечности: никто не может и не должен вмешиваться в законы природы, и в этом заключается экософия жизни. Цель Урал-батыра – достижение «всеобщего благоденствия» – утопична и противоестественна.

Жак Деррида считает: «Самостоятельно научиться жить - невозможно: это логический и одновременно экзистенциальный запрет. Научиться жизни можно только от других – тех, кто сам находится между жизнью и смертью» [Деррида, 2005, 143]. Он пишет о том, что «предельная философская задача – научиться умирать, а вместе с тем – научиться жить» [Там же]. В этом смысле старик из древнего мифа стоит по ту сторону жизни и смерти и учит людей достойно умирать, а Урал-батыр – достойно жить.

Нормы нравственности воспринимались древними башкирами не только в качестве регуляторов взаимоотношений в социуме, но и как космические императивы, касающиеся всего мироздания – живой и неживой природы. Познав тайну универсальных принципов бытия, став обладателем абсолютного знания, Урал-батыр набирает в рот воды и окропляет ею окружающий мир, после этого умирающая природа возрождается и становится вечной.

Д.Ж. Валеев утверждает: «Гимн добру в сказании “Урал-батыр” роднит его с древнеиранской мифологией, с идеями зороастризма, согласно которым в мире господствуют основные силы – «добро» и «зло». Неизменным спутником добра в «Урал-батыре» выступает зло, хотя они сосуществуют всегда, однако добро сильнее зла. В этом состоит исторический оптимизм сказания “Урал-батыр”» [Валеев, 1989, 56]. В борьбе противоположностей каждая из сторон может временно одерживать верх, однако моральное сознание башкир ориентировано на торжество добра. Такая онтологическая установка чрезвычайно важна для нравственного сознания, поскольку позволяет противостоять релятивизму, обеспечивая мотивацию противодействия злу в конкретных ситуациях. Данная стратегия жизни занимает центральное место в пространстве этического знания башкир.

По мнению Урал-батыра, добро и зло не есть абстракции, они проявляются исключительно в человеке и через него. Быть просто добрым недостаточно, противостоять злу можно только через борьбу – активность добра, это значит проявлять волю, решимость, бесстрашие. Предназначение человека – быть человеком. Утверждается его особый статус. Только тот может называться им, кто совершает благие поступки [Урал-батыр, 2005, 192]. Вера Урал-батыра в конечное торжество добра над злом не только декларируется, но и реализуется в поступках героя. Этот момент следует считать началом становления этического сознания народа, его смысложизненной установки. Необходимость любви и сострадания, благодеяния, प्रतिборства злу – основа веры Урал-батыра, его, можно сказать, религия и философия. Категорический императив «Пусть имя ваше будет Добро, предназначение – Человек!» из заявленного Урал-батыром морально-этического кодекса возводится в ранг общечеловеческого закона, который действует и за пределами его жизни в виде доброй социальной памяти.

Урал-батыр понимает ценность боевого личного опыта, культивирует борьбу-сопротивление, не только осуждая, но и категорически запрещая пассивное поведение [Там же, 191]. Именно активная жизненная позиция выступает онтологической установкой, фундаментальным принципом башкирской идеи, которому остался предан народ, вследствие чего сумел сохранить себя, свою веру и самобытную культуру. Приоритетной задачей всегда была защита своих территорий как необходимого условия физического выживания и возможности жить по заветам в соответствии с идеалами своего предка – Урал-батыра. Согласно духовной конституции башкир, человек в системе общественных отношений является не пассивным, а активным субъектом: от его сознательности и деятельности зависит не только его личная участь, но и судьба всего общества, страны.

Заключение

Концептуальный тезис эпоса «Урал-батыр» – идея человека, способного изменять себя и мир. Пафос активного утверждения добра и высокой нравственности, доминирующий в эпосе, рассмотрен в тесной связи с его пониманием человека. Идею и нравственную патетику национального эпоса можно определить как активно-гуманистическую, а отношение Урал-батыра к себе и другим – как требовательное и самое деятельное. Подобное обращение основано на вере в нравственные и этические возможности человека. Указанная тенденция своими корнями уходит в гуманистические традиции сэсэн.

Библиография

1. Башкирское народное творчество. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. Т. 1. 512 с.
2. Валеев Д.Ж. Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1989. 224 с.
3. Валеев Д.Ж. Философские идеи в башкирской культуре // Ватандаш. 1997. № 6. С. 189-203.
4. Деррида Ж. Наконец-то научиться жить // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 133-144.
5. Назарова З. Архетипы и символы в эпосе «Урал-батыр» // Ватандаш. 2001. № 9. С. 78-90.
6. Урал-батыр. Уфа: Китап, 2005. 296 с.

The concept of man in the national epic “Ural-Batyr”

Zilya N. Rakhmatullina

PhD in Philosophy,
Doctoral Student at the Bashkir State University,
450076, 32 Zaki Validi st., Ufa, Russian Federation;
e-mail: zilrah@yandex.ru

Abstract

The article aims to reveal the understanding of the purpose and meaning of man and his being through the philosophical understanding of the heroic epic "Ural-batyr". The formation of national philosophy, the spirit of the people, their ethnic identity, and the mythologisation of the ancestral territory are directly related to this kubair. The conceptual thesis of the epic "Ural-Batyr" consists in the idea of man that can change himself and the world. It is an active life position that acts as some

kind of ontological attitude, the fundamental principle of the Bashkir idea, to which the people remained loyal, as a result of which they managed to preserve themselves, their faith and original culture. The article points out that the pathos of the active affirmation of the good and high morality, which dominates in the epic, is considered in close connection with its understanding of man. The ideological and moral pathos of the national epic can be defined as actively humanistic, and the attitude of the Ural Batyr to himself and others is demanding and most active. Such treatment is based on the belief in man's moral and ethical capabilities. This trend has its roots in the humanistic traditions of folktale narrators.

For citation

Rakhmatullina Z.N. (2020) Kontsepsiya cheloveka v natsional'nom epose "Ural-batyr" [The concept of man in the national epic "Ural-Batyr"]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (3A), pp. 141-147. DOI: 10.34670/AR.2020.58.20.016

Keywords

Anthropocentrism, humanism, national idea, ontological attitude, active life position.

References

1. *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo* [Bashkir folk art] (1987), Vol. 1. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.
2. Derrida J. (2005) Nakonets-to nauchit'sya zhit' [Learning to live finally]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 4, pp. 133-144.
3. Nazarova Z. (2001) Arkhetipy i simvoly v epose "Ural-batyr" [Archetypes and symbols in the epic "Ural-batyr"]. *Vatandash* [Compatriot], 9, pp. 78-90.
4. *Ural-batyr* [The epic "Ural-batyr"] (2005). Ufa: Kitap Publ.
5. Valeev D.Zh. (1997) Filosofskie idei v bashkirskoi kul'ture [Philosophical ideas in Bashkir culture]. *Vatandash* [Compatriot], 6, pp. 189-203.
6. Valeev D.Zh. (1989) *Nravstvennaya kul'tura bashkirskogo naroda: proshloe i nastoyashchee* [The moral culture of the Bashkir people: the past and the present]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.